

Т.А. ШАКЛЕИНА*

ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ США И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ ОТНОШЕНИЙ С РОССИЕЙ

К концу первого десятилетия XXI века можно подвести итоги усилий Соединённых Штатов по преобразованию мирового порядка, ответив на главный вопрос: стал ли мир действительно моноцентричным, когда центр-полус состоит из сверхдержавы, и все субъекты мировой системы (государственные и негосударственные) и процессы развиваются под его определяющим воздействием¹. В России и США специалисты по международным отношениям расходятся во мнениях по этому поводу. Одни считают состоявшимся фактом американоцентричность мировой системы и видят проблему в узаконивании (легитимизации) этого положения, в корректировке некоторых сбоев в американском глобальном лидерстве. Главным аргументом в пользу такой оценки служит утверждение, что до сих пор не существует оппозиции Соединённым Штатам со стороны какой-либо одной или группы держав. Другие убеждены, что такой системы не сформировалось (к чему склоняется и автор статьи) и, напротив, мы всё дальше уходим от перспективы моноцентричности в формате одного государственного.

Если говорить об отсутствии оппозиции, то она не оформилась в страновом формате, но существует и укрепляется иначе: с каждым годом растёт противодействие мирового организма (системное противодействие) усилиям США в сфере экономики, безопасности, идеологии, культуры. Развиваются и набирают силу тенденции в общемировом, региональном и национальном развитии, уходящие от моноцентричного и унифицирующего влияния, наблюдается не всегда чётко оформленное реагирование, противодействие, сопротивление со стороны традиционных и нетрадиционных акторов, вносящее существенные коррективы в мировое развитие и создающее проблемы для США. Сопротивление моноцентричности носит как неагрессивный, так и агрессивный

* ШАКЛЕИНА Татьяна Алексеевна – доктор политических наук, заведующая кафедрой прикладного анализа международных проблем МГИМО (У) МИД РФ, ведущий научный сотрудник ИСКРАН. Copyright © 2009.

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Россия и новый этап развития международных отношений» 07-03-020 37а.

¹ Мы не рассматриваем вариант «коллективного» центра, который выступает как одно целое, определяющее мировое развитие, где США остаются самым главным и самым сильным членом (лидером). Такой «коллективный» центр часто отождествлялся с «семёркой», что не отражает реального положения вещей и расстановки сил в мире. Хотя именно американские политологи чаще всего обсуждают вариант «коллективного» центра мирорегулирования, в политике США не просматривается реального стремления по-настоящему действовать (а не руководить) в рамках какого-либо группового управляющего объединения, где их возможности и планы могут быть как-то ограничены.

характер, но важно рассматривать это не только как негативный факт, проявление недружественности по отношению к сверхдержаве, а как нормальную реакцию мировой системы, не готовой и не желающей пока быть центрованной на одно государство.

Как показывают дебаты по глобальной деятельности в США, многие американские политологи и политики признают факт неудачи по фиксации американоцентричности в мирорегулировании и стараются предложить концепции, которые позволят сверхдержаве сохранить определяющее влияние на всё, что происходит и развивается в мире. Иными словами, признание неудачи американцами не влечёт за собой радикальной смены общей цели глобальной деятельности США – сохранение преобладающего влияния на всё происходящее в мире (на страны и тенденции), пусть и не в моноцентричном формате.

Что это означает для России? Оправдан ли оптимизм некоторых политиков и экспертов по поводу «поражения» США в деле мирорегулирования после окончания «холодной войны»? Представляется, что существующее положение в управлении мировой системой не упрощает ситуации для России, ставит перед ней даже более сложные задачи, чем прежде, так как, скорее всего, Соединённые Штаты будут стараться ещё более активно и жёстко искать пути контроля в разных сферах, не отдавая никому инициативы по формированию новых управляющих структур. Много будет зависеть и от других игроков мировой системы, силы и возможности которых не равны, интересы часто разнонаправлены, а амбиции превышают способность к участию в решении крупных проблем мирового, регионального и национального развития.

В этой ситуации следует внимательно изучить, как американские специалисты по международным отношениям оценивают итоги и перспективы глобальной деятельности США и какое место они отводят России в качестве участника мирорегулирующего процесса в будущем.

«Постамериканский мир»

Дискуссии по вопросу о мировом порядке ведутся уже почти 20 лет, но точка до сих пор не поставлена. Это означает, что, уйдя от биполярного мирового порядка, мы пока не построили нового, старые и новые традиционные и нетрадиционные игроки, нормы и организации продолжают сосуществовать. В прошлом новый порядок оформлялся как результат перераспределения сил и влияния после окончания Второй мировой войны, где были победители и побеждённые, а также заинтересованные и примыкавшие игроки. В процессе завершения «холодной войны» между СССР и США велись переговоры относительно будущего мирового порядка, его структурных основ и институционально-правовой базы, роли сверхдержав. Обсуждавшийся порядок рисовался менее милитаризованным, менее конфронтационным, деидеологизированным, а сверхдержавам предлагалась равновеликая роль при взаимном уважении интересов обеих сторон. Мало кто сейчас вспоминает об этом, а также и о том, что планировалась координация действий (стратегий) НАТО и ОВД, предлагался план создания «Общеввропейского дома» с участием СССР и США и многое другое. А ведь это как раз и были совместные подходы к изменению мирового порядка, созданного после Второй мировой войны, к завершению «холодной войны» и переходу к неконфронтационному мирорегулированию.

После распуска Советского Союза Соединённым Штатам было фактически не с кем обсуждать этот важный вопрос, так как другого, равного СССР игрока не существовало.

Когда мы ведём речь о мирорегулирующем игроке, то имеем в виду не только его мощь (возможности, соответствующий потенциал), но его волю и желание заниматься мирорегулированием, так как это дело затратное и тяжёлое, а также весьма неблагодарное. В начале 1990-х годов Соединённые Штаты оказались единственным государством с потенциалом и волей управлять мировой системой и менять порядок практически без консультаций с другими ведущими державами, часть из которых была их союзниками. Характеризуя такое положение, многие американские и российские политологи заявили об однополярном мире, однополярном мировом порядке, что, на наш взгляд, даже тогда уже не отражало реальности². Ведь мировой порядок это не только наличие лидера/гегемона, пытающегося сломать систему и/или подчинить её себе, но и институты, другие игроки и их политика, притом что число и качество игроков существенно изменились за годы биполярного порядка. Гегемония (в других трактовках – доминирование) не равноценна моноцентричности, это лишь форма международной деятельности, избранная для строительства такого порядка.

Правота немногочисленных противников однополярности очень скоро начала подтверждаться, когда постепенно нарастало реагирование «остального мира», в первую очередь ведущих мировых и региональных держав и нетрадиционных акторов. Произошло столкновение международных норм, зафиксированных в документах крупнейших международных организаций, и новых прецедентных норм, зафиксированных только во внешнеполитических документах США. Указанная правовая коллизия развивалась и стала особенно заметной после террористических актов 2001 г. В течение 2001–2008 гг. своего рода нормативное и мирорегулирующее противостояние между «США-ледоколом» и остальными игроками не только чётко обозначилось, но и продолжало нарастать. Поэтому американцев так волнует легитимизация права США на международное законотворчество.

Сомнения и тревоги относительно будущего развития международных отношений, правильности действий сверхдержавы, к сожалению, мало коснулись идеологов и политиков администрации Дж. Буша-мл., отдавших предпочтение усилению стратегии демократического преобразования мира по жёсткому сценарию в форме гегемонии.

В течение восьми лет республиканского правления реакция мировой системы продолжала нарастать, начали более активно действовать многие державы и несистемные игроки, в экономике разворачивался кризис, в сфере культуры наметился возврат к традиционному пути (развитие получил анти-

² В этой работе термины «однополярный» и «моноцентричный» употребляются как синонимы, хотя с понятийной точки зрения это некорректно. В данном случае мы учитываем широкое использование первого термина в российской печати и известный разброс в понятийном аппарате в теории международных отношений (некоторые политологи строго различают «полюс» и «центр силы» в мировой политике). Американские политологи используют преимущественно термин «однополярный», но в силу иных причин: они, во-первых, признают существование одного полюса в мировой системе как именно полюса, а не центра силы, и, во-вторых, не придают большого значения разделению понятий «полюса» и «центра силы».

глобализм и альтерглобализм), в идеологии вернулись старые теории (например, марксизма и реализма), усилилась тенденция к формированию альтернативных существующим региональных организаций, повысилась самостоятельность стран в поисках более выгодных путей реализации своих национальных интересов.

Такое развитие событий и трендов в мировой политике было предсказуемым, хотя и нежелательным для сверхдержавы, которая сохранила свою преобладающую мощь, но вынуждена была признать невозможность создания американоцентричного порядка в предлагавшемся США варианте. Как отметил известный американский публицист Ф. Закариа, легче сказать, чего не хватает в существующей системе международных отношений, чем сформулировать, что такое существующая система; легче описать эпоху, от которой мы уходим всё дальше, чем ту эпоху, к которой мы движемся. Эту будущую эпоху он определил как «постамериканский мир»³, который идёт на смену прошлому веку, прошедшему под знаком доминирующего американского могущества. Публицист делает и ещё более странные заявления, когда пишет, что в течение почти трёх столетий мир развивался под скрепляющим влиянием больших либеральных гегемонов – сначала Великобритании, затем Соединённых Штатов, которые способствовали созданию системы открытой мировой экономики, защищали торговые и морские пути, давали займы и держали резервную валюту, инвестировали в другие экономики, обеспечивали баланс в военной сфере, сдерживая в разное время таких агрессоров, как наполеоновская Франция, Германия и Советский Союз. «Несмотря на все нарушения в использовании силы, – пишет Ф. Закариа, – США создали и поддерживали современный порядок, в основе которого свободная торговля и демократическое правление – порядок, который был мудрым и благоприятным для большинства человечества»⁴.

В связи с данным высказыванием Ф. Закарии, хотелось бы сказать несколько слов относительно того, насколько верно некоторые американские и российские политологи, а особенно публицисты и журналисты, оперируют отдельными понятиями и характеристиками при описании современных международных отношений. Мы уже неоднократно обращали внимание на существенную разницу между гегемонией и лидерством, на неправомерность называть политику США после окончания «холодной войны» лидерством, тем более что многие американские политики и эксперты определяют её как гегемонию (либеральную, благожелательную) или как политику нового имперского типа, а также как «крестовый поход» за демократию, что тоже равноценно гегемонии отнюдь не благожелательной. Гегемония не несёт стабильности мировой системе. Она всегда вызывает противодействие (что уже происходит), не обеспечивает равноценного и равноправного участия всем субъектам мировой политики, а это неизбежно ведёт к конфликту, мешает развитию отдельных стран. Лидерство, как противоположность гегемонии, не может быть объявлено одним государством в качестве неизбежной данности для остальных держав. Инициатива в выборе признанного лидера глобального уровня (на что претендуют США) может исходить от субъектов мировой системы, имеющих реаль-

³ Zakaria F. The Post-American World. N.Y., 2008, p. 43.

⁴ Ibid., p. 45.

ный мирорегулирующий потенциал и осознающих потребность в сплачивающем (а не разделяющем) лидере.

Мы так подробно останавливаемся на труде Ф. Закарии, потому что в последнее время создаётся всё более плотная понятийная неакадемическая «завеса» над важнейшими проблемами современного мирового развития. Выносятся суждения и даются оценки, не подкреплённые никаким серьёзным историческим и политологическим анализом, и в сознании многих неискушённых читателей и слушателей провозвестников «плоского мира», «либерального гегемонистского правления», «постамериканского мира» и т.п. складываются клише, не позволяющие проникнуть в суть происходящих процессов. Это относится как к теории, так и к практике мировой политики.

В момент, когда решается судьба формирования основ нового мирового порядка, следует максимально точно и корректно обращаться с прошлым опытом, отмечая как позитивные, так и негативные достижения мировой политики и политики отдельных стран. Следует, на наш взгляд, более осторожно обращаться с терминами, поскольку определение американского гегемонизма XXI века как закономерной формы мирового лидерства, которое должны признать все ведущие державы и остальной мир, вряд ли позволит мировому сообществу выстроить какой-то общепризнанный мировой порядок, и мы будем и дальше метаться между остатками старого порядка и малоэффективными новыми структурами. В такой неопределённой ситуации вероятность усиления конфликтности мировой системы будет возрастать.

Не будем анализировать, насколько верно определение XX века как «американского», что требует специального рассмотрения, ибо как и в вопросе с гегемонией заявление носит амбивалентный характер. Однако вспомним, что о начале «золотого американского века» американские либералы объявили только после окончания «холодной войны» и предсказали, что XXI век станет таким «золотым веком» для Соединённых Штатов. Таким образом, учитывая сложившуюся ситуацию в мире и в международной деятельности США, и американцам, и нам следует всё-таки определиться: либо признать, что англо-американские «золотые века» длились три столетия и закончились к концу первого десятилетия XXI века, или согласиться, что «золотой век Америки» закончился, едва начавшись. На наш взгляд, можно поразмышлять над тем, насколько реалистична гипотеза о «золотом американском веке», и не стоит ли рассматривать её как одну из западных утопий.

Однако суть нынешнего состояния мировой системы Ф. Закариа описал довольно точно: мы знаем, чего нет, но не можем прийти к международному консенсусу относительно того, что нам нужно. Именно отсутствие общего понимания того, что должно стать новым мировым порядком, позволяло Соединённым Штатам все 1990-е годы и первые годы нового века действовать без оглядки на так называемый остальной мир. Нельзя пока сказать, что мир (или большая его часть) пришёл к указанному консенсусу, но движение в этом направлении просматривается, хотя и не вселяет одного лишь оптимизма.

К 2008 г. проблема формирования нового мирового порядка вновь вернулась на страницы американских научных изданий. Это происходило как в связи с готовящейся сменой власти в США, что требовало подведения итогов международной деятельности, так и в связи с всё более отчётливо обозначившейся проблемой управления происходящими в мире процессами, тенденция-

ми, политикой отдельных держав и групповых акторов. Оптимистические надежды на то, что политика США по преобразованию мира и установлению новых форм и норм жизнедеятельности приведёт к гомогенизации и гармонизации мира, не оправдались. И дело не в том, что прошло слишком мало времени, чтобы делать выводы (ведь «крестовый поход» объявлялся на столетие), а в том, что реакция мира как объекта преобразования (по крайней мере, его большей части), оказалась разноуровневой, разнонаправленной, масштабной (если принимать во внимание не только страны-акторы, но и сетевых игроков), прогрессирующей, требующей от Соединённых Штатов серьёзных изменений в своём поведении и в политике. Как до этого писали С. Хантингтон, Зб. Бжезинский, Ф. Фукуяма и ряд других политологов, сверхдержава не могла более подталкивать других (и весьма настойчиво-агрессивно) к унификации, глобализации, прозрачности, ограничению суверенитета и самостоятельности в политике, оставляя за сверхдержавой ничем и никем не ограниченные права и возможности, не желая меняться вместе со всеми остальными.

В то время как мир становился более открытым, развивалась рыночная экономика и демократические институты (пусть и не совсем такие, которых требовали США), росла взаимозависимость, обозначилась общность угроз и устремлений с ними бороться, Соединённые Штаты всё более опасались за свою безопасность, суверенитет, права, особый статус, стремясь создать абсолютную систему безопасности, внося идеологию во все сферы мировой политики. Они оказались неготовыми меняться, уступать, понимать и учитывать особенности других, т.е. забыли, что и сверхдержаве необходимо стать частью глобализованного мира, а не управлять им извне на особых, ими же выработанных условиях. И подъём «остальных» наступил, их глобальное политическое пробуждение начало оборачиваться против США, и это требовало от этих «остальных» какой-то реакции на концептуальном и практическом уровнях⁵.

С новыми предложениями по изменению американской стратегии в ходе предвыборных дебатов в 2008 г. выступили политики из обеих американских политических партий. Полемизируя в основном относительно того, выводить или не выводить войска из Ирака, что делать с Ираном, как вести себя с отдельными ведущими державами, и демократы, и республиканцы сходились в главном – сохранить доминирующие позиции в мире и глобальное лидерство, так как США это нация, которая может и должна вдохновить, мобилизовать и вести мир за собой⁶. Главный вызов Америке они видят в том, чтобы воссоз-

⁵ О возможных последствиях глобальной стратегии США писали ведущие американские политологи: Huntington S. Dead Souls. The Denationalization of the American Elite. – «The National Interest», № 75 (Spring 2004); Layne Ch. The Peace of Illusions. American Grand Strategy from 1940 to the Present. Ithaca, 2006; Fukuyama F. America at Crossroads. N.Y., 2006; Brzezinski Z. Second Chance. Three Presidents and the Crisis of American Superpower. N.Y., 2007.

⁶ Remarks of Senator Barack Obama to the Chicago Council on Global Affairs. 23.04.2007 (http://www.thechicagocouncil.org/dynamic_page.php?id=64); Barack Obama's Foreign Policy Speech. 2.10.2007 (<http://www.cfr.org/publications/14356>); Senator McCain Urges NATO Renaissance. Calls for «Global Order of Peace» Built on a «Foundation of Freedom». 8.02.2008 (<http://www.politickeraz.com/senator-mccain-urges-nato-renaissance-342>); McCain J. An Enduring Peace Built on Freedom. Securing America's Future. – «Foreign Affairs», November/December 2007 (www.foreignaffairs.org/20071101faessay86602/john-mccain/an-enduring-peace); Clinton H. Security and Opportunity for the Twenty-first Century. – «Foreign Affairs», 2007, November-December (<http://www.foreignaffairs.org/20071101faessay86601/hillary-rodham-clinton/security-and-opportunity-for-the-twenty-first-century.html>).

дать пошатнувшееся национальное осознание миссии и силы после периода дрейфа, упадка и ужасных ошибок⁷.

Об ошибочном «либеральном выборе» написал К. Лэйн, известный геополитик-консерватор. По его мнению, либерализмом грешили не только демократы, но и республиканцы администрации Буша, что и привело к кризису американской глобальной деятельности. Он считает, что политическая философия американского либерализма нетерпима к другим политическим идеологиям, является не «теорией мира», а, скорее, теорией «крестового похода», поэтому глобальная стратегия США, в основе которой либеральные идеи, это не стратегия мира, а стратегия, ведущая к конфликту⁸. Выход К. Лэйн видит в возврате к реализму, свободному от идеологической нетерпимости и позволяющему другим центрам силы участвовать в строительстве нового мирового порядка вместе с США. При таком подходе «свободное балансирование» между разными центрами и в решении разных общемировых и региональных проблем позволит Соединённым Штатам не только сэкономить силы, не перенапрячься, но также и избежать провоцирования других государств сформировать им оппозицию.

Такая позиция созвучна тому, что советуют, например, влиятельные политологи Р. Хаасс и Р. Кейган, считающие необходимым признать новый расклад сил в мире, найти пути нейтрализации нежелательных тенденций и воспрепятствовать формированию нежелательных альянсов. Как и К. Лэйн они усматривают причины неудач в реализации американской глобальной стратегии не столько в «порочности» и несовершенстве остального мира, сколько в неверных оценках современных международных отношений и возможностей США.

Р. Хаасс выделяет следующие факты, на которые следует обратить внимание американскому руководству: 1) восприятие политики Соединённых Штатов как угрозы интересам и безопасности многих стран; 2) выход на уровень влиятельных держав ряда стран, обладающих запасами энергоресурсов, в условиях, когда растёт потребление энергии (где ведущее место принадлежит США); 3) серьёзные сбои в экономике США, вызванные в том числе расходами на войну в Ираке и Афганистане, приведшие к большому дефициту и ослабившие американские позиции; 4) глобализация, которая ведёт к непропорциональному и нелинейному усилению отдельных государственных и негосударственных акторов⁹. Р. Хаасс предлагает руководству страны признать факт ограниченности американского влияния в мире, наличия множества центров силы и постараться обратить существующую структуру на пользу сверхдержаве, что не требует радикально изменить глобальную стратегию, позволяет оставить прежними все её составляющие.

Сходные мысли высказывает и Р. Холбрук, оказавший большое влияние на американскую внешнюю политику в 1990-е годы. Он также выделяет фактор роста числа глобальных и крупных региональных игроков, с которыми необходимо договариваться и вовлекать их в общую с США орбиту международной деятельности. Он отмечает, что в мире происходит перераспределение богат-

⁷ Holbrooke R. The Next President. Mastering a Daunting Agenda – «Foreign Affairs», September/October 2008 (<http://www.foreignaffairs.org/20080901faessay87501/richard-holbrooke>).

⁸ Layne C. The Peace of Illusions. American Grand Strategy from 1940 to the Present. Ithaca, 2006, pp. 118–122.

⁹ Haass R. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance. – «Foreign Affairs», May/June 2008 (<http://www.foreignaffairs.org/20080501faessay87304>).

ства, вызванное не в последнюю очередь ростом цен на энергоносители. В результате богатые ресурсами страны, опираясь на новое экономическое могущество, могут перейти к более активной и жёсткой внешней политике, что происходит, по его мнению, с Россией, Венесуэлой, Ираном. Страны – потребители энергии, в число которых входят США, КНР, Индия, страны ЕС, передают петродержавам колоссальные средства за нефть и газ, использующиеся ими не только для экономического роста, но и для расширения своего влияния в регионах и в мире (например, указывает политолог, растёт помощь Венесуэлы странам Латинской Америки, а Саудовская Аравия тратит огромные средства на строительство мечетей и медресе и помощь террористическим организациям).

По мнению Р. Холбрука и других политиков и политологов, создавшееся положение следует учитывать и исправлять не только поисками альтернативных источников энергии, но и проведением более продуманной политики в отношении таких стран, как Китай и Индия, которые являются растущими экономиками и встречаются с теми же проблемами энергопотребления, что и США. Прослеживается стремление сформировать вместе с крупнейшими азиатскими державами общую политику в сфере энергетики, и первым шагом в этом направлении предлагается создать общую для стран-потребителей программу решения проблем загрязнения окружающей среды и нежелательного изменения климата (парниковый эффект). Отмечается, что, в частности, можно было бы совместно с КНР заняться разработкой новых технологий по сбережению энергоресурсов и их консервации, по уменьшению вредных выбросов и решению проблемы изменения климата. Такой союз, считают американские политические стратеги, помог бы двум крупнейшим потребителям энергии и загрязнителям среды решить одну из важнейших проблем, придав Киотскому протоколу истинную глобальность и открыв перспективы для его реализации. Добавим, что такое взаимодействие вывело бы Китай на более высокие позиции в мирорегулировании.

Неподконтрольность мировой системы сверхдержаве и неудачи в формировании новой институционально-правовой базы диктуют необходимость изменить политику США в отношении существующих организаций и порождают определённый скепсис по поводу планов по созданию новых международных объединений на основе принципа соответствия и приверженности демократии западного типа (разного рода демократических лиг и форумов, о которых много говорили Дж. Маккейн, К. Райс и другие республиканцы). Предлагается не разрушать ООН и остальные структуры, оставшиеся от биполярного мира, которые, хотя и имеют изъяны в своей деятельности, однако пользуются поддержкой большинства мирового сообщества и при условии их реформирования и должного финансирования могут справляться с решением важных международных проблем¹⁰. Например, указывается, что США являются крупнейшим должником ООН, и их неуплаченные взносы составляют более 1 млрд. долл., Таким же был и предыдущий долг, уплаченный администрацией Клинтона в последний год пребывания у власти.

¹⁰ См., например: Кулагин В.М. Новые параметры глобальной безопасности. – «Международные процессы», т. 5. № 2 (май–август 2007), с. 38–51.

Важно и то, что ведущие американские внешнеполитические стратеги предлагают отдать предпочтение диалогу по принципу «кнута и пряника» с проблемными странами, вроде Ирана и КНДР, с оппозиционными силами, например афганскими талибами, а не сохранять приверженность только военно-силовому методу воздействия, который дал сбой в Ираке и вызывает резкое неприятие у других стран.

Немалое внимание уделено и отношениям с ведущими мировыми державами, среди которых приоритет отдан Китаю и Индии, но не забыты и другие державы – например, отдельные латиноамериканские страны. И здесь предлагается сделать акцент на вовлечении таких стран как Бразилия, в более близкую к США орбиту, поскольку она одна из главных производителей продуктов питания и этанола, растущий нефтяной гигант, потенциальная ядерная держава, а также один из главных загрязнителей атмосферы вместе с США и КНР. Более тесное взаимодействие с Бразилией и Мексикой, по мнению экспертов, работавших во время президентской кампании 2008 г., позволит США выстроить институциональную базу в Южной Америке и более эффективно решать региональные проблемы.

Оценки и советы, высказанные в 2008 г., верно высветили просчёты и недочёты американской глобальной деятельности. Российские политологи и некоторые американские и европейские эксперты ещё раньше говорили о необходимости сохранения позитивной институциональной основы мирового порядка, о необходимости признать полицентричность мира, новый расклад сил, роль ведущих региональных держав, невозможность унифицировать разные страны и культуры, а главное – недостижимость абсолютной безопасности одной страны за счёт ограничения безопасности других стран или лишения их возможности самим сформулировать интересы национальной безопасности, которые не во всём могут совпадать с американскими интересами (и страхами)¹¹.

Насколько США будут придерживаться сделанных в год президентских выборов заявлений и оценок современного состояния международных отношений, покажет время. Но не учитывать происшедших изменений в мире уже невозможно, так как они приняли необратимый характер. Как признают американские политологи, современные международные отношения характеризуются диффузией силы и влияния, ростом числа игроков, включая негосударственных. И в этом мире толерантность остальных стран по отношению к сверхдержаве существенно снизилась.

Что это означает для России? Будут ли США так же относиться к ней, как к КНР, Индии или Бразилии, рассматривая её как игрока, без которого им не решить важных проблем мирового масштаба и собственных проблем реализации глобальной миссии? Насколько можно судить по большинству работ аналитиков из ведущих американских научно-исследовательских центров, работающих на руководство страны, на концептуальное обеспечение глобальной деятельности США, Россия видится самым проблемным конкурентом, и по отношению к ней планируется наиболее активное противодействие с миниму-

¹¹ Обсуждению проблемы обеспечения международной стабильности, разности российских и американских подходов к решению проблем международной безопасности и проблемы взаимовосприятия в отношениях России и США посвящена коллективная монография «Россия в современной системе обеспечения глобальной стабильности. Политика и восприятие». Отв. ред. А.А. Кокошин. М., 2008.

мом вовлечения, в отличие от Индии, Китая, Бразилии. Объясняется такое положение, на наш взгляд, не отсутствием демократии в России или её «упрямством» и неуступчивостью в согласии с предлагаемыми условиями (кстати, Бразилия ведёт себя довольно неуступчиво, отстаивая свои интересы, так же ведёт себя Китай), а наличием гигантского комплексного ресурсного потенциала (пока большего, чем у КНР, Индии и Бразилии), с которым она не готова расставаться и который позволяет ей играть по-крупному. Представляется, что Россия не всегда должным образом ценит своё могущество, вступая в ненужные перепалки, угрожая, запугивая, эпатируя. Такие методы – показатель слабости и неуверенности, они способствуют созданию негативного образа России, а она заинтересована в сотрудничестве с разными странами и должна доказать им свою привлекательность и перспективность взаимодействия. Поэтому самой эффективной может стать работа без лишнего шума и ажиотажа на основе комплексных оценок потенциала и намерений конкурентов и партнёров. Особенно важно это в отношениях с США, где противостояние двух тенденций и балансирование на грани нового противостояния в отношении России продолжается, критический настрой усиливается, не в последнюю очередь из-за усложнения ситуации с американским мировым регулированием и разгорающейся конкурентной борьбой за ресурсы.

Россия в будущей стратегии Соединённых Штатов

Анализ публикаций американских специалистов по международным отношениям, выступления и заявления, сделанные разными политическими деятелями в 2008 г., предвыборные платформы Демократической и Республиканской партий показывают, что Россия не стоит в списке стран, представляющих наибольший интерес для США. Как отмечалось выше, Россия попадает в разряд стран, обладающих очень богатыми ресурсами, а значит, является скорее проблемой для ресурсопоглощающих государств, среди которых на ведущих позициях США, КНР, Индия и страны ЕС, и поэтому она попадает в иное направление американской политики – требующее обуздания appetites стран-экспортёров и более тесного и структурированного взаимодействия в группе стран-потребителей. Для России это дилемма, так как её новая широко-масштабная политика на востоке, усилия по созданию эффективной региональной инфраструктуры сотрудничества с КНР и Индией, другими странами Азии, особенно в энергетической сфере, вступает в противоречие с американской деятельностью. России, заинтересованной во взаимодействии с США и Европой, придётся очень осторожно и разумно строить свою политику, чтобы сохранить спокойные и взаимовыгодные отношения на обоих направлениях.

Сложность ситуации для России усугубляется ещё и тем, что она не отнесена американскими политологами в разряд демократий, притом что Индия характеризуется как крупнейшая азиатская демократия, а Китай рассматривается как страна, медленно, но неуклонно движущаяся к демократии. Хотя пафос заявлений о глобальном плане демократизации мира несколько снизился, приверженцы демократического плана из числа либералов и консерваторов не отказываются от планов преобразования мира. Так, Р. Кейган считает, что в эгоистическом мире, где не все страны способны постичь и тем более претворить в жизнь идеи совершенного либерального порядка, роль ведущих мо-

гущественных государств, несущих обновлённые либеральные ценности, возрастает. Либеральный демократический порядок трудно пробивает себе дорогу в борьбе с автократиями, однако человечество медленно движется к нему, и на этом трудном пути мир, как никогда ранее, нуждается в видении будущего, которое дают Соединённые Штаты и примыкающие к ним старые и новые демократии. Р. Кейган не исключает Россию из числа участников строительства нового порядка, так как убеждён, что мировой порядок XXI века будет определяться теми, кто сильнее. Будущее будет обсуждаться, считает он, не в Брюсселе, а в Пекине, Москве и Вашингтоне. Это не уменьшает роли США, но существенно затрудняет их деятельность по конструированию мирового порядка и контролю над основными тенденциями мирового развития¹².

За продолжение политики по демократизации выступают активно консультирующие внешнеполитические эксперты М. Макфол и Т. Карозерс, высказывающие очень критические оценки относительно возможностей России участвовать в демократическом процессе. Они видят в ней объект более активного и бескомпромиссного воздействия. Т. Карозерс считает, что политику администрации Буша неверно определять как политику по продвижению демократии, что, по сути, проблема демократизации находилась «в самых дальних углах американской внешнеполитической деятельности»¹³. Политолог указывает на то, что вопрос о демократии выдвигается Вашингтоном на первый план, в основном, в отношениях с небольшими слабыми странами, а в отношениях с крупными державами – КНР, Россией, Пакистаном, Казахстаном и др. – на первый план выступают проблемы безопасности и экономики, а отсутствие демократии оказывается уже не столь важным. Он призывает вернуться к реальной, а не мифической стратегии по продвижению и поддержке демократии в мире, увеличивая моральное и материальное участие США, повышая требовательность к объектам воздействия и отказываясь от конъюнктурных компромиссов¹⁴.

Это означает, что взаимодействие с Россией будет увязываться с демократическими преобразованиями внутри страны и демократизацией её внешней политики, которая характеризуется как агрессивная. Обращает на себя внимание тот факт, что агрессивность приписывается только России (правда, вместе с Ираном и Венесуэлой). Внешнеполитическая же деятельность США, КНР, ЕС, притом что первые ведут «горячие» войны и действуют агрессивно в экономической сфере, отстаивая свои интересы и сферы влияния, постоянно говоря о санкциях против той или иной страны, а политика ЕС и КНР также весьма эгоистична, однако это связывается с демократической политикой и рыночной экономикой. Кроме того, российская деятельность чаще определяется как «поведение» на фоне «политик» других государств. Это означает, что, по мнению американских политологов и историков, Россия действует без чёткого плана, не определилась со своей идентичностью и не знает своих национальных интересов. Такое видение России может показаться странным, так

¹² K a g a n R. The Return of History. – «The Los Angeles Times», 5.08.2007 (www.carnegieendowment.org/publications).

¹³ C a r o t h e r s Th. The Democracy Crusade Myth. – «The National Interest online», 6.05.2007 (<http://www.nationalinterest.org>).

¹⁴ Idem. U.S. Democracy Promotion During and After Bush. Carnegie Endowment for International Peace. Wash., 2007, pp. v–vi, 12–16, 19–20, 25.

как в начале 2000-х годов она дала ответы на указанные вопросы, действует в соответствии с разработанной стратегией и на основе чётко сформулированных интересов и осознания национальной идентичности (без чего невозможно существование государства-нации). Не знать этого те, кто занимается Россией, не могут, а значит, они не принимают современную российскую идентичность и стратегию реализации национальных интересов.

Сведение международной и региональной деятельности России к «поведению» (часто непредсказуемому, а значит, опасному) свойственно не только так называемым «говорящим головам» из числа политологов, которые пишут каждый день и обо всём на свете, но и серьёзным исследователям. Один из самых авторитетных американских историков-международников Р. Легволд сомневается в том, что Россия обрела идентичность, и надеется на то, что она когда-нибудь к этому придёт: «Исторический взгляд позволяет сделать вывод о том, что до того, как Россия сможет обрести полную и убедительную идентичность в мировой политике, она должна, прежде всего, завершить переход от одного этапа своего существования к другому. Если и когда возникнет эта новая идентичность, если она будет фундаментально отличаться от прежней российской идентичности, тогда факторы, которые определяли прежнее поведение, поблекнут или исчезнут совсем»¹⁵. Из этих слов явствует, что мы находимся в переходном процессе самоидентификации, что не позволяет нам стать не только партнёром США, но и занять прочное и достойное место в мировой политике.

Главное из прошлого России, до сих пор не позволяющее ей обрести новую идентичность, которая удовлетворила бы западных историков и политиков, состоит в «зависти» к былому величию и могуществу и попытках вернуть это величие с ущербом для страны, используя нефтедоллары не для повышения благосостояния людей, а для укрепления центральной власти в стране и для проявления жёсткости в отношениях с другими странами, притом что отсутствует глубоко продуманная стратегия деятельности государства. С. Волландер, в прошлом директор программы евразийских и российских исследований Центра стратегических и международных исследований, пишет: «В ходе глобализации в XXI веке внешняя политика России не является экспансионистской, но она направлена не на то, чтобы решать проблемы, а дистанцироваться от них. Россия будет дружественным партнёром США, Европы, может быть, Китая, но никогда не будет вместе с ними заниматься решением глобальных проблем, таких как распространение ОМУ. Она будет участвовать в глобальной экономике, но никогда не будет интегрироваться в неё»¹⁶.

Непонятно, что имеется в виду под интеграцией и вовлечением в экономику. Неясно, как расценивать отдельную политику США в вопросе ОМУ для Индии, Пакистана, Израиля. Непонятно, почему именно Соединённые Штаты разными способами пытаются не дать России интегрироваться в мировую экономику, препятствуя прямо и косвенно её членству в ВТО.

Подводя итог внешней политики России на современном этапе, С. Волландер подаёт это также в форме приговора: «Коротко говоря, внешняя политика России вернётся к традиционному подходу, при котором она отвечает на глобальные вызовы, используя время и пространство для консолидации и пе-

¹⁵ Russian Foreign Policy in the Twenty-first Century and the Shadow of the Past. Ed. by R. Legvold. N.Y., 2007. p. 31.

¹⁶ Ibid., p. 491.

рестройки. Делая это, Россия, скорее всего, обеспечит свою безопасность и процветание в том объёме, в каком ей это нужно, но никогда она не станет такой великой державой, какой она всегда хотела быть»¹⁷.

Просматривается явное противоречие в высказываниях некоторых американских политологов и историков, но следует признать, что именно из-за неразберихи в употреблении понятий «политика» и «поведение», «великая держава», искажения фактов, предвзятой их трактовки, постоянного обращения к «теням» российского прошлого складывается какой-то непонятный и непривлекательный образ России. Получается, что только у России (из числа ведущих мировых держав) «тёмное» прошлое определяет современную политику, притом что она пытается оторваться от него и не дать ему этой определяющей роли. Правда, у западных и российских политологов и историков существует разное наполнение этого «тёмного» прошлого. У американцев «тёмным» называется почти вся история России, включая движение России к великодержавному статусу, могуществу, влиянию в мировой политике. Даже победа во Второй мировой войне видится как часть «тёмного» прошлого страны. «Пиррова победа над нацистской Германией и короткая кампания против Японии, – пишет историк из Центральноевропейского университета А. Рибер, – позволили Советскому Союзу попасть в разряд сверхдержав, однако они лишь усилили проблемы его сравнительной отсталости»¹⁸.

«Тёмное» есть в истории всех стран, есть оно и у США, но Россия старается выстраивать отношения со всеми странами, опираясь прежде всего на позитивные достижения прошлых эпох, прошлого опыта. Но, видимо, придётся признать, то, о чём откровенно написал британский публицист А. Ливен: «Что касается многих членов американского истеблишмента, падение коммунизма и конец Советского Союза едва ли изменили их враждебное отношение к России-государству; ситуация могла бы измениться только в том случае, если бы Россия приняла положение полного подчинения желаниям Америки не только в мире, но и в своём регионе (Евразии – *Т.III*)»¹⁹.

Грустно признавать, что в оценке России и её роли в истории и в современной политике идеология остаётся определяющим фактором. Но раз это факт, от которого не удалось избавиться на протяжении почти 18-ти лет после провозглашения окончания «холодной войны», то его следует принять к сведению и не испытывать безосновательных надежд на радикальные изменения в восприятии России и её политики. Это не означает, что следует обижаться и сердиться, рьяно бросаться в словесные баталии, но и не стоит полагаться на чудо и непредвзятость представителей американской демократической системы и американской культуры.

Мирополитическая значимость России не требует доказательств с её стороны и оправданий из-за «тёмного» прошлого. Это данность: если бы этого не было, то не было бы столько дискуссий в США относительно того, как учесть или нейтрализовать «российский фактор».

Парадигма изучения России в США не изменилась, она идеологизирована, фрагментарна, и правы те российские историки и политологи, которые пишут

¹⁷ Ibid. p. 492.

¹⁸ Ibid., p. 221.

¹⁹ Lieven A. America Right or Wrong. An Anatomy of American Nationalism. London, 2004, p. 162.

о том, что определённая доля антагонизма сохранится в отношениях России и США надолго (может, навсегда). Главное состоит в том, чтобы эта доля не была чрезмерной и устремления к взаимодействию перевешивали²⁰.

Смогут ли Россия и США добиться разумного баланса центристских и центробежных тенденций в отношениях? Ответ на этот вопрос мы получим, скорее всего, к концу первого срока новой демократической администрации (если только не произойдёт чего-то экстраординарного). Но уже сейчас можно судить о том, какие идеи будут определять американскую политику в мире и в отношении к РФ.

Подводя итоги саммита в Сочи в мае 2008 г., А.Д. Богатуров писал, что «остановить движение к тупику не удаётся», что лучшим результатом оказалось согласие сторон ещё раз (последний?) употребить в тексте совместного документа слово «партнёрство», а по практическим вопросам ни о чем обнадеживающем договориться не удалось²¹.

Действительно, ни один из участников президентской гонки 2008 г. не высказался позитивно о России: ни Х. Клинтон, ни Дж. Маккейн, ни Б. Обама, ни другие политики, участвовавшие в кампании. Хотя они не отказывались от возможного взаимодействия с Россией в сфере ограничения вооружений, никакой позитивной повестки дня двусторонних отношений предложено не было. Россию упрекали в «энергетическом шантаже», «проведении реваншистской политики», в отходе от демократии в начале 2000-х годов по сравнению с 1990-ми, в утрате всего того позитивного, что было достигнуто в 1990-е годы в экономике и внутривластном устройстве. М. Макфол, оценивая итоги эпохи В.В. Путина, писал: «Кремль говорит о создании ещё одного Китая, но путь России скорее напоминает Анголу – государство, которое растёт только благодаря ценам на нефть, в прошлом отсталое, так как цены были низкие, а лидеры его больше заботились о том, чтобы остаться у власти и контролировать доходы от нефти, и не заботились о благосостоянии находящегося в осаде населения»²².

Мы не останавливаемся на больших аналитических докладах, подготовленных в 2006–2007 гг., так как они были детально проанализированы и прокомментированы в отечественной печати²³, но всё-таки следует сказать о том, что критический дух этих докладов сохраняется и в итоговых оценках деятельности администрации Буша, и в рекомендациях новой администрации. Так, при оценке роли Китая и Индии отмечается, что они становятся всё более влиятельными игроками в своих регионах и за их пределами; а о России говорится, что она завершила период постсоветской аккомодации и становится всё более

²⁰ См.: Баталов Э.Я. Какая Россия нужна Западу. – «Свободная Европа» 2005, № 4, с. 5–20.

²¹ Богатуров А.Д. Либеральная гегемония и как с ней бороться. – «Независимая газета». 13.05.2008 (http://www.ng.ru/politics/2008-05-13/3_kartblansh.html).

²² McFaul M. and Stoner-Weiss K. The Myth of the Authoritarian Model. – «Foreign Affairs», January-February 2008 (www.foreignaffairs.org/20080101faessays87105).

²³ Russia's Wrong Direction: What the United States Can and Should Do. Report of an Independent Task Force. Council on Foreign Relations, 2006 (<http://www.cfr.org>); Kuchins A. Alternative Futures for Russia to 2017. A Report of the Russia and Eurasia Program. Center for Strategic and International Studies. Wash., CSIS, 2007 (<http://www.csis.org>). Анализ докладов содержится в работах: Шаклеина Т.А. Будущее российско-американского диалога: выбор после выборов – «Индекс безопасности», № 3 (осень 2008), с. 15–32 (<http://si.pircenter.org>); Второй срок администрации Буша: старые проблемы и новые ответы. Отв. ред. Т.А. Шаклеина. М., 2006.

напористой, даже агрессивной²⁴. Вообще непонятно, что понимают американские эксперты и политики под агрессивностью, в частности у России, если рассматривать ее действия в сравнении с военными действиями НАТО в Европе и Азии, США, Китая и ЕС в сфере экономики, где конкуренция носит очень жёсткий характер. В целом формирующийся мировой порядок XXI века пока что выглядит весьма агрессивным именно из-за обострения конкурентной борьбы во всех сферах, из-за ухудшения общемирового финансового и ресурсного положения, из-за увеличения числа сильных игроков в мировой политике, борьба между которыми за влияние и контроль на региональном и глобальном уровнях только начинается и ещё не обрела чётких очертаний.

Отдельные политологи распространяют феномен агрессивности на все действия России, хотя они представляют собой обычную конкурентную деятельность в разных сферах по отстаиванию государственных интересов. Если российские действия и можно назвать жёсткими, то и противостоящие ей игроки также действуют весьма жёстко и пытаются доказать, что интересы в природных ресурсах, в морских бассейнах, рынках и т.д. законны только для стран, отнесённых в разряд демократий. Получается, что только демократические, по определению США, государства имеют национальные интересы, а у всех остальных таких интересов нет.

Отталкиваясь именно от такой трактовки права на национальные интересы, эксперты Фонда «Наследие», например, заявляют, что в «Арктике разгорается «холодная война». Её виновницей объявляется Россия, которая претендует на широкие интересы в этом регионе, имеет самую большую ледокольную флотилию и продолжает активно развивать судостроительную промышленность в регионе Крайнего Севера, возобновила воздушное патрулирование. Они призывают американское руководство стать лидером в Арктике, отстаивая свои геополитические и геоэкономические интересы, противодействуя притязаниям других государств (прежде всего России) в этом регионе. Более парадоксальные заявления трудно сделать, так как Россия гораздо более арктическая держава, нежели США, и, понимая это, эксперт предлагает усилить кооперацию с Канадой, Норвегией, Данией в противодействии России.

Можно согласиться с тем, что освоение Арктики, её ресурсов требует коллективного подхода, согласования действий всех участвующих сторон, однако представлять это как новую «холодную войну» не только некорректно, но и безответственно. Призывая руководство США к установлению лидерства в Арктике, А. Коэн забывает, сколь опасны эксперименты в условиях, когда происходит пусть медленное, но неуклонное таяние льдов, а также сколь трудно и затратно добывание желанного для США и других стран газа, вообще ресурсов в условиях Крайнего Севера.

Пытаясь найти обоснования для «агрессивности России», А. Коэн пишет: «После вторжения в Грузию Россия заметно ужесточила свою международную политику и в достижении своих целей всё более полагается на силу, а не на международное право. Москва усилила антиамериканскую политику и риторику и готова бросить вызов интересам США где и когда это возможно, включая Крайний Север»²⁵. Подобные обобщения вообще недопустимы и с на-

²⁴ Zakaria F. Op. cit., p. 43.

²⁵ Cohen A., Szaszi L. and Dolbow J. The New Cold War: Reviving the U.S. Presence in the Arctic. Backgrounder No. 2202. 30.10.2008. The Heritage Foundation (<http://www.heritage.org>).

учной точки зрения абсурдны. В жёсткой конкурентной борьбе за ресурсы и рынки, масштабы и методы в которой задали США после окончания биполярного регулирования мировыми процессами, странам ничего не остаётся, как так же жёстко защищать свои интересы. Острота конкурентной борьбы может быть снижена, если все страны, а не только Россия, осознают важность тесной и взаимовыгодной кооперации. Но в условиях, когда обсуждение многих мировых проблем ведётся в тональности «холодной войны», дорога к сотрудничеству будет нелегкой и некороткой.

Агрессивность России видится американским авторам и в её действиях в энергетической сфере, где она длительное время пыталась выйти на конструктивные отношения с США и ЕС, но большого прорыва пока не получилось. Упрёк России со стороны стран-потребителей в том, что она злоупотребляет своим энергетическим богатством, не совсем оправдан, так как каждый торгует тем, что у него есть, и покупает то, чего у него нет. Это – рынок. Если посмотреть на карту мира, то можно увидеть, что все основные мировые ресурсы сосредоточены не в государствах «золотого миллиарда» и странах – их клиентах, а в так называемом «остальном мире», по большей части – в государствах «переходного типа». В этом и сила, и слабость стран – экспортёров и стран – обладателей ресурсов. Они хотят и могут этим воспользоваться, поэтому всем придётся договариваться и уважать интересы всех сторон.

Российской договорённости с Ираном и Катаром по совместным действиям в газовой области предшествовали предложения европейских стран по созданию «энергетической НАТО» для противостояния «энергетическому шантажу» России, поддержка США и многих стран – членов ЕС позиции Украины во время кризиса 2006 г. из-за перебоев подачи газа в Европу в связи с незаконной откачкой газа Киевом и неуплатой долгов за энергоносители. Нельзя сказать, что действия ОПЕК шли навстречу интересам всех стран-потребителей. Следует признать, что эгоизм экспортёров не должен быть чрезмерным, но и потребители в своих действиях не только в экономической сфере, но и на других направлениях мировой политики не могут руководствоваться принципом своего верховенства и исключительного права диктовать условия противоположной стороне, которая составляет большую часть Земного шара. Именно этим, как отмечалось выше, объясняется усиление американской деятельности на китайском, индийском, европейском и латиноамериканском направлениях (а также арктическом). Такая направленность американской политики в последующие годы требует от России выработки встречных мер, которые позволили бы ей сохранить взаимодействие со всеми указанными странами без ущемления своих позиций.

Есть ли в США противники сценариев противостояния? Они есть и среди консерваторов, и среди демократов. Их предложения также содержат сильный критический антироссийский компонент, но эта критика, на наш взгляд, конструктивна и направлена на восстановление баланса в политике США в мире. Сторонники развития конструктивных отношений с Россией считают, что в современном мире более желательным для сверхдержавы является сотрудничество со всеми ведущими мировыми державами. Бремя непримиримой борьбы по многим направлениям, по их мнению, может пагубно сказаться на могуществе Соединённых Штатов, подорвать его, закрыть дорогу к лидерству.

Критиковавший администрацию Буша за гегемонию и призывавший к разумному ограничению К. Лэйн писал, что Соединённым Штатам не следует вмешиваться во внутренние дела Российской Федерации, идти на конфронтацию под предлогом отсутствия демократии и рыночной экономики; признать законное право России на сферу влияния в «ближнем зарубежье», прежде всего в Чечне (весьма распространено в США отнесение Чечни к территориям, находящимся за пределами РФ) и в Центральной Азии. «Соединённые Штаты, – писал политолог, – заинтересованы в хороших отношениях с Россией. Хотя – не в первый раз – Россия в упадке и не участвует в политике великих мировых держав, она вернётся, как и прежде, в большую политику. В рамках политики свободного балансирования для США Россия является геостратегическим ключом, так как может играть решающую роль в поддержании баланса между тремя региональными центрами силы: как противовес ЕС или возрожденной Германии, если интеграционный проект провалится; в Восточной Азии как противовес Китаю; в Персидском заливе и Центральной Азии»²⁶.

К. Лэйн считает, что Россия и Китай не действуют открыто и это продолжится в краткосрочной и среднесрочной перспективах, но в долгосрочной перспективе они прибегнут к использованию своей экономической и военной мощи, чтобы оспорить американское могущество. Политику КНР и РФ он определяет как «непрозрачное – скрытое балансирование», так как не всегда те или иные действия держав прямо направлены против конкретного государства и трудно отделить коммерческие интересы от стратегических (например, торговля оружием и технологиями); он пишет: «Китай и Россия преследуют политику, не ограниченную во времени, они относительно слабы сегодня, но могут стать достаточно сильными завтра: лежат в сорной траве и ждут подходящего момента, когда расстановка сил станет более благоприятной, чтобы открыто бросить вызов США»²⁷.

Другие политологи, признавая правомерность критики в адрес России, предлагают не впадать в излишнюю категоричность при принятии решений, так как происшедшие в мире изменения в расстановке сил, обострение множества глобальных проблем, в числе которых не только терроризм, но и экономика и безопасность, диктуют взаимодействие, которое позволит более конструктивно решить проблему глобального и регионального управления и собственно российско-американских отношений.

Так, Ф. Закариа, проанализировав высказывания кандидата в президенты от Республиканской партии Дж. Маккейна, написал, что никто не обратил внимания на то, что тот выдвинул одну из самых радикальных идей, которая напрямую касается России: предложенный Маккейном план построения новых международных институтов на основе демократических ценностей исключает две важнейшие мировые державы – Китай и Россию. По мнению политолога, такая позиция кандидата может быть расценена во многих странах как стремление американского руководства начать новую «холодную войну»²⁸.

²⁶ L a y n e Ch. The Peace of Illusions. American Grand Strategy from 1940 to the Present. Ithaca–London, 2006, p. 188.

²⁷ Ibid., pp. 145–146.

²⁸ Речь идет о предложениях Дж. Маккейна о создании международных организаций, объединяющих только государства, приверженные демократии, разного рода глобальные форумы –

О бесперспективности политики вхождения в новую «холодную войну» пишет и Э. Качинс. Он считает, что реакция США (предоставление своевременной гуманитарной помощи, присутствие американских и натовских кораблей в Чёрном море, обещание предоставить помощь Грузии объёмом в 1 млрд. долл. и оказать помощь в перевооружении и подготовке грузинской армии) на «грубые действия России против Грузии» была правильной. Но правильным, по его мнению, было и то, что США удержали Грузию от форсирования ситуации на Кавказе и в отношениях с Россией. Однако политолог убеждён, что пора остановиться в «наказании» России и вернуться к взаимодействию, которое должно планироваться и развиваться на более чётко выверенных оценках ситуации в мире и в РФ.

Э. Качинс уделяет особое внимание определению приоритетов в отношениях с Россией – «красных линий», которые не следует переступать. В 1990-е годы, пишет он, США могли позволить роскошь не уделять этому большого внимания, так как Россия была слаба и сверхдержава могла добиваться всего, чего хотела: «Нет сомнения, что у Москвы “закружилась голова от успеха”, она преувеличивает свою силу и слабость США, но в мире происходят сдвиги в балансе сил, он движется от однополярности к многополярности. В этих условиях требуется более сложная дипломатия и желание не только брать, но и учитывать интересы союзников, партнёров и даже оппонентов без нанесения ущерба жизненно важным интересам»²⁹.

Авторитетный политолог Т. Грэм подготовил объёмный доклад «Российско-американские отношения. Оценивая реальность прагматично». В нём автор постарался проанализировать повестку дня двусторонних отношений, причины осложнения и перспективы возможного развития отношений между США и Россией³⁰. По его оценкам, к концу деятельности администрации Буша российско-американские отношения находились в низшей фазе второго цикла взаимного разочарования и крушения надежд после распада Советского Союза. Для преодоления сложившейся ситуации Т. Грэм предлагает странам признать следующее.

- Деполитизировать энергетическую сферу, так как политизация отношений России, ЕС и США наносит ущерб всем сторонам и не прослеживается прямой зависимости между отсутствием (или наличием) энергетических ресурсов и стратегической ориентацией отдельных стран.
- Создать новую панъевропейскую систему безопасности, в которой будут участвовать США, объединённая Европа и Россия.
- Взаимодействовать в решении проблемы Ирана, арабо-израильского конфликта, иракской проблемы. Необходимо продумать, как повысить вклад России в урегулирование ситуации в Ираке в обмен на определённые экономические дивиденды российским компаниям.

«Глобальный альянс свободы», «Глобальный форум экономической свободы», «Форум свободы по правам человека». См.: Zakaria F. McCain vs. McCain. – «Newsweek», 26.04.2008 (www.newsweek.com/id/134317).

²⁹ Kuchins A. Where Should U.S. Policy toward Russia Go from Here? 8.09.2008 (<http://www.csis.org>).

³⁰ Graham Th. U.S.-Russia Relations. Facing Reality Pragmatically. Center for Strategic and International Studies, July 2008 (<http://www.csis.org>).

- Проводить сбалансированную политику в Южной и Восточной Азии, для чего необходимо взаимодействие с Россией, укрепление её суверенитета и признание её преобладающих интересов в этом регионе и заинтересованности США в освоении российских Сибири и Дальнего Востока.
- Признать новый глобальный расклад сил. Прежде всего вместе с Россией, а также с Китаем, Индией, Японией и ЕС создавать временные союзы для решения основных международных проблем.
- Убедить Россию в том, что постсоветское пространство более не является зоной особых российских интересов, что США имеют законные интересы в этом регионе и американское присутствие будет расти. Проблема не в том, что между Россией и США будет увеличиваться конкуренция, а в том, чтобы конкуренция не подорвала окончательно доверие между державами и не помешала сотрудничеству в решении отдельных возникающих проблем.
- Избегать в американской политике по поддержке и развитию демократии в мире вмешательства во внутренние дела России. Главным в отношениях должны быть интересы, а не ценности.
- Сосредоточиться не на разнице в ценностях, а на общности встающих перед США и Россией проблем стабильного развития и безопасности.
- Организовать плодотворный двусторонний диалог экспертов для обсуждения возникающих проблем и путей их решения.

* * *

Подход, предлагаемый сторонниками прагматизма, не обещает лёгкого взаимодействия. Обеим сторонам требуется пойти на уступки. Сумеют ли это сделать Россия и США? Немало будет зависеть и от политики отдельных ведущих мировых держав, например Китая, который выигрывает от разногласий между Россией и США; от действий ряда других стран (например Польши, Венгрии, стран Балтии), которые периодически предпринимают попытки осложнить российско-американские отношения, хотя и не получают явных экономических, да и политических выгод от этого.

Как не раз отмечали российские политологи, американцы не остановятся никогда, Россия и США всегда будут соперничать. Вряд ли державы пересмотрят свою идентичность и радикально поменяют свои исторические парадигмы. Однако и в конкурентном формате можно достигнуть разумного баланса. Именно об этом говорят все те, кто обеспокоен состоянием мировой системы в XXI веке. Главной заботой нового руководства России и США, на наш взгляд, может стать достижение лучшего и более отвечающего реальности взаимопонимания и признания необходимости соблюдения баланса интересов, так как стабильность в российско-американских отношениях будет оказывать существенный позитивный эффект на отношения между всеми ведущими мировыми державами и на международные отношения в целом.